
Надменный зуммер
Пропел отбой.
Когда я умер,
Я стал собой.

Про поэтов

Их позы картинны, их жесты легки —
Они не умеют страдать.
Они равнодушны, но пишут стихи —
Совсем не хотят умирать.

И лихо с улыбкой берут города,
Любя обывателей лесть.
Но время — капризная, злая вода —
Сотрёт их помпезную спесь.

Каждый раз за завтраком
тебе приносят на подпись проект,
и ты уверен — в этом проекте есть
грязная любовь
и чистая ненависть,
равнодушный мир
и участливая война,
ничтожная роскошь
и великая нищета.
И ты, отхлебывая кофе,
расписываешься не глядя.
Вот так ты утверждаешь мир,
в котором нет
и не может быть тебя.

Я совершил подвиг.
Я победил смерть.
И был беспечен и счастлив.

Но время украло
Победу
Мою.

Любимая,
Когда мы произнесём все слова
И станем совершенно беззащитны
Друг перед другом, —
Может быть,
Мы увидим —
Нас связывает что-то ещё
Кроме взаимной ненависти и вражды.

Моя фундаментальная любовь
Жить улетела в дольний город.
Она резка, легка, как Бонапарт,
А я тяжелый, как Кутузов.
За ней, конечно, было не успеть.
И я, небесный, как Безухов,
Проснусь в блевотной луже под столом
С дурачкой, очень стыдной жаждой
Разбить злой современности лицо.
И может, в этот миг Ростова,
Земная и прекрасная, прямым,
Неуловимо жестким жестом
Захватит вдохновляюще легко
Чужой и ей ненужный город.

Конформист

Уже листва облетела
И завтра, наверное, выпадет снег.
А жизнь — трагичное дело,
Когда по профессии ты — человек.

Вновь на чужую работу
Ты каждое утро бежишь впопыхах
И сквозь тоску и зевоту
Мечтаешь опять об иных временах.

Такой ты парень послушный —
Быстрее бы с зарплатой вернуться домой.
А лист летает ненужный,
Предчувствуя снежный и жуткий покой.

Семилетний мальчишка, как страж,
Всё глядит в законные дали.
Тихо. Позднеосенний пейзаж,
Грустно, яркие краски пропали.
Избы, трубы печные дымят,
Небом светится взгляд у мальчишки.
Лоб к окошку устало прижат,
А в руках интересная книжка.
Не грусти — веселиться пора,
Ведь гуляет по крышам Стокгольма
Тот, кто крикнет: «Гип-гип-ура!»,
И пускай Фрекен Бок недовольна.
Ты сбегашь, свободу любя,
Только миг и уже вечереет.
Если небо твоё почернеет,
Он не бросит на крыше тебя.

Так хмуро и сыро, и осень крадётся,
А в памяти солнечный свет.
Забавы, игрушки и море эмоций,
И лучшего времени нет.
Конечно, детское счастье не шутка,
А, значит, и вправду броня.
И тот потерянный где-то мишутка
По-прежнему любит меня.

В детстве был простор для взгляда,
Были сказочные дали,
Ожидание дороги.
А теперь я крот неловкий,
Землю роющий упрямо, —
Путь к увиденному в детстве.

Как рана, зияет прошлое,
Грядущее целит в голову,
А сердце моё дотошное
Пульсирует ровно и здорово.
Пульсирует настоящее,
Земля пробуждается снова,
И чувство во мне щемящее
Гудит, как литая основа.

Девушка в джинсах дырявых.
Это кул... А может, колхоз?
Парень в стишатах корявых.
Это блажь... А может, всерьёз?
Дерзкие телодвиженья
Прочат боль... А может быть, свет?
Слышу я трав шелестенье.
Я жив... А может быть, нет?..

Мальчишка, сбежавший с уроков,
Со скучных, ненужных занятий,
Прошел вдоль распухшей помойки,
Вдоль хмурых домов, сквозь потоки
Бездумно разлитых людей,
Сквозь лавину
Надрывно визжащих машин.
И квартал показался
Чужим и, пожалуй, здесь было
Родное — лишь то, что похоже
На смерть. И мальчишка светился
Легко и навзрыд, понимая
Внезапную сущность свободы.

Я, как мальчишка, жизнь люблю
И, как подросток, ненавижу,
А ты ещё совсем старик,
Вот потому и равнодушен.

За убитого поэта
Снова и снова
Пишет стихи
Обаятельный обыватель
Скромный убийца
Поэта.

Остывшая осень.
А листья — как брызги
Горячего солнца.

Падает снег
Или сыплются звёзды,
А, может, ангелы сходят с небес.
И земля становится чистой, как жизнь,
Холодной, как смерть.